

У 116
697

НА ОТВ.

А

В. Ф. ЗАЛѢСКИЙ.

Дѣйствительный студентъ Естественныхъ наукъ, Докторъ Политической Экономіи, экстраординарный профессоръ Энциклопедіи и Исторіи Философіи Права въ Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

КЪ ВОПРОСУ О РЕФОРМѢ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ.

КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго Университета.
1900.

А

Печатано по опредѣленію Юридическаго факультета Император-
скаго Казанскаго университета.

Деканъ Г. Дормидонтовъ.

20893-44

Переживаемое нами время является въ жизни русскаго народа моментомъ первостепенной исторической важности—на очереди стоитъ вопросъ о реформѣ средняго образованія. Неудовлетворительность нашей средней школы успѣла обнаружиться въ теченіи послѣднихъ двадцати лѣтъ съ полной ясностью и несомнѣнностью. И правительство, и общество одновременно прониклись сознаніемъ настоятельной необходимости положить конецъ существующему порядку въ дѣлѣ средняго образованія. Печать съ рѣдкимъ единодушіемъ осуждаетъ двойственность типа среднихъ учебныхъ заведеній (классическія гимназіи и реальныя училища) и въ особенности нападаетъ на „классицизмъ“; земскія и дворянскія собранія ходатайствуютъ объ отмѣнѣ преподаванія древнихъ языковъ; ученые съѣзды высказываются за введеніе преподаванія естественныхъ наукъ и т. д.

И не даромъ. Конецъ семидесятыхъ годовъ, восьмидесятые и девяностые годы истекающаго столѣтія ознаменованы замѣтнымъ упадкомъ умственной жизни въ русскомъ обществѣ. Послѣ возбужденія эпохи великихъ реформъ—наступило состояніе умственной лѣни, средній русскій человѣкъ отяжелѣлъ, оупѣлъ, пересталъ думать. Двадцать лѣтъ тому назадъ Щедринъ жаловался, что современный „легковѣсный“ герой „свободенъ отъ мысли“, „изгналъ мысль изъ домашняго употребленія, свергнулъ съ себя ея тягостное иго“... Но и теперь, какъ двадцать лѣтъ назадъ, мы стоимъ передъ тѣмъ же печальнымъ фактомъ—„нѣтъ мысли“.

И это пониженіе интеллектуальнаго уровня не ограничилось кругомъ среднихъ интеллигентныхъ обывателей; оно

наблюдается и въ области высшихъ культурныхъ сферъ русской жизни.

Любопытное и глубоко печальное явленіе—у насъ нѣтъ замѣчательныхъ людей изъ числа лицъ, получившихъ среднее образованіе въ 70-хъ и 80-хъ годахъ. И если для государственныхъ дѣятелей возрастъ моложе 45—50 лѣтъ можно считать раннимъ, то для писательской, ученой и педагогической дѣятельности годы отъ 30 до 50 являются безусловно цвѣтущими. Однако оказывается, что не только всѣ видные государственные люди, недавно умершіе (Лобановъ-Ростовскій, Бунге), и современные, но и всѣ великіе писатели, какъ живые (Толстой), такъ и недавно умершіе (Тургеневъ, Достоевскій, Щедринъ, Островскій), знаменитые ученые (Менделѣевъ, Мечниковъ, Соловьевъ и др.) и художники (Рѣпинъ, Васнецовъ, Антокольскій и проч.)—не принадлежать къ поколѣніямъ, прошедшимъ среднюю школу въ 70-хъ и 80-хъ годахъ.

Особенно рельефно сказывается описываемое явленіе въ области изящной литературы. Въ произведеніяхъ изящной литературы мы знакомимся не только съ душевнымъ міромъ самихъ писателей, но и съ психикой выводимыхъ ими персонажей, какъ представителей того общества, въ средѣ котораго авторы жили.

Чтобы убѣдиться въ фактѣ общаго пониженія интеллектуальнаго уровня средняго русскаго человѣка за послѣднія 20 лѣтъ—достаточно обратиться къ разсмотрѣнію произведеній нашихъ выдающихся молодыхъ писателей.

Для этой цѣли возьмемъ Надсона (родился въ 1862 году, получилъ среднее образованіе въ кадетскомъ корпусѣ); Чехова (родился въ 1860 году, среднее образованіе получилъ въ классической гимназіи); къ нимъ присоединимъ Короленка (родился въ 1853 году, воспитанникъ реального училища) и Потапенка (родился въ 1856 году, учился въ духовной семинаріи), которые хотя и закончили среднее образованіе до реформы 1871 года, но выступили на литературное поприще въ 80-хъ годахъ, когда вліяніе названной реформы уже сказалось, и продолжаютъ писать до сихъ поръ, т. е. живутъ и дышатъ въ современной атмосферѣ умственнаго упадка.

Да кромѣ этихъ четверыхъ и взять некого. Всѣ, или почти всѣ, остальные молодые писатели—обладаютъ такими маленькими крупицами таланта и страдаютъ такой узостью взгляда, что

становится страшно за русскую литературу ¹⁾... Они умѣютъ изображать лишь грубыя топорныя фигуры съ наклеенными на лбу ярлыками: ужъ если декадентка, то она не переставая декламируетъ „о закрой свои блѣдныя ноги...“; если марксистъ, то онъ ни о чемъ, кромѣ „надстроекъ“, говорить не умѣетъ и т. д.

Но разсматривая произведенія даже названныхъ четырехъ лучшихъ молодыхъ писателей, мы не можемъ не обратить вниманіе, что какая-то непонятная вялость, странное безсиліе мысли, при наличности несомнѣннаго литературнаго таланта, являются ихъ отличительной чертой. У поэта мы не найдемъ ничего, кромѣ неопредѣленныхъ идеаловъ и неясныхъ стремленій; у беллетристовъ не встрѣтимъ ни одной крупной фигуры, ни одной личности, достойной названія мыслящаго человѣка.

Въ высшей степени характерной въ разбираемомъ отношеніи является поэзія Надсона. Хотя Надсонъ и не былъ питомцемъ ни классической гимназіи, ни реального училища, но онъ былъ человѣкъ интеллигентный—и пониженіе интеллектуальнаго уровня, наступившее съ начала 80 хъ годовъ, отразилось и на немъ; онъ былъ сынъ своего времени—и страдалъ тѣмъ же безсиліемъ мысли, какъ и окружающая среда. Стихомъ онъ владѣлъ мастерски; описанія, выраженія чувствъ—у него чудно хороши. Стоитъ лишь припомнить *Въ мушкетеры* („Горячо наше солнце безоблачнымъ днемъ“...), „Умерла моя муза“, *Старую бесѣдку* („Вся въ кустахъ утонула бесѣдка“..), „Мнѣ снилось вечернее небо...“, „Сегодня всю ночь голубыя зарницы“, стоитъ лишь припомнить эти и многія другія его стихотворенія, какъ сразу чувствуется неизбежность стараго сравненія—иногда кажущагося банальнымъ и утрированнымъ—сравненія стиховъ съ музыкой.

Но кругозоръ музы Надсона весьма неширокъ; правда—помыслы его чисты, сердце благородно; онъ

Въ душѣ своей не заглушилъ

---

¹⁾ Есть одно блестящее исключеніе, г. Мережковский, о немъ нѣсколько словъ будетъ сказано ниже. Исключеніемъ, хотя несравненно менѣе блестящимъ, является и г. Станюковичъ.